

Решение, принятое в Лозанне вызвало всеобщее одобрение [10, с. 11; 17, с. 11], но отнюдь не единогласно было поддержано турками. «Ни Лозаннская конференция, ни англиканская церковь, ни любая другая сила не сможет предотвратить отправку в далёкие дали патриархата и уберечь греков от наказания», — писала она из радикальных турецких газет [8, с. 94], а 1 июня 1923 года при попустительстве турецкого правительства было совершено нападение на Фанар [4, с. 38–39; 9, с. 8; 12, с. 12]. 24 июля 1923 года был подписан Лозаннский договор, в итоговом тексте которого не содержится статей, которые бы регулировали статус Константинопольского патриарха. В итоге договоренности, достигнутые в Лозанне, так и остались устными. Очевидно, что таким образом турки развязали себе руки, сделав отныне отношения между Анкарой и Фанаром внутренним делом суверенного государства. Греки, потерпевшие поражение в Малой Азии, были не в состоянии настаивать на письменном подтверждении договоренностей, европейские державы были рады снять вопрос с повестки дня, поскольку больше были заинтересованы в решении других проблем, касающихся проливов и мосульской нефти. В то же время именно во время работы Лозаннской мирной конференции были заложены основы для будущей концепции о вселенском статусе Константинопольского патриархата, которая до сих пор вызывает массу вопросов и у церковного сообщества и у Анкары.

Библиографический список

1. Ермилов П. В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха//Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. Вып. 1 (51). 2014.
2. Лозаннская конференция. Вопрос о национальных меньшинствах// Известия ВЦИК, 22.12.1922.
3. Лозаннская конференция. Соглашение о патриархате//Известия ВЦИК, 13.01.1923.
4. Нанакис А. История вселенского константинопольского патриархата в XX столетии//Православная церковь в странах Восточной Европы. XX век. Киев, 2010.
5. Письмо господину Президенту Лозаннской конференции//Церковные ведомости. Сермски Карловци. 1923. № 1–2.
6. Союзники отказались от своих главных требований в вопросе о национальных меньшинствах//Известия ВЦИК, 12.01.1923.
7. Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и его отношения с Русской и Болгарской Православными Церквями в 1917–1950-е гг. //URL: Ресурс: http://ippo.ru/holy-land/v_p/konst/1/(дата последнего обращения: 16.09.2014).
8. Alexandris A. The Greek minority of Istanbul and Greek-Turkish relations 1918–1974. Athens, 1992.
9. Attack on Greek Patriarch. Measures to secure future safety. Test of Turk sincerity//The Times. 18.06.1923.

10. Compromise at Lausanne//The Times. 11.09.1923.
11. Cyber Telegram to Sir Byre Crowe (Foreign Office) № 192. January 10th. 1923//The National Archives of the UK. FO 839/35.
12. Greek Patriarch attacked. Constantinople disorder//The Times. 02.06.1923.
13. Greek recognize Church Patriarch Metaxakis again is “Greek Pope”//San Francisco chronicle.04.10.1922.
14. Lausanne conference on Near Eastern affairs 1922–1923. Records of proceedings and draft terms of peace. London, 1923.
15. Metaxakis elected Greek Patriarch will resume at Alexandria title stripped from him by the Turks//The New York Times. 13.06.1926.
16. Metaxakis elected Greek Patriarch. Venizelist sojourning here elevated to the Highest Office in his Church//The New York Times. 10.12.1921.
17. The Greek Patriarch//The Times. 17.01.1923.
18. The letter from Old Palace, Canterbury. December 21st, 1922//The National Archives of the UK. FO 839/35.
19. The patriarchate. A French proposal//The Times. 27.12.1922.
20. The patriarchate in Constantinople. Exchange of telegrams//The Times. 23.12.1922. P.8. The Greek Patriarch//The Times. 17.01.1923.
21. The problems at Lausanne. Ismet Pasha’s views. Allies and the straits.// The Times. 05.01.1923.
22. Πери την συνδια΄σχεψιν της Λωζαννης//’Εκκλησιαστικη΄ ’Αλη΄φεια, 1922.

А. В. Филинов

*Московский государственный
университет*

ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОЙ РУКОВОДЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ ЯПОНИИ В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (1931–1935 гг.)

После оккупации Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., а затем создания в марте 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го (Маньчжоу-ди-го с 1-го марта 1934 г.) взаимоотношения между СССР и Японией вступили в новый этап. Потенциальная угроза военного противостояния на Дальнем Востоке в значительной степени влияла на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Важным элементом этого нового курса были длительные переговоры и последовавшая за ними в марте 1935 г. продажа СССР Японии Китайской Восточной железной дороги.

Исследование ситуации на Дальнем Востоке вообще и советско-японских отношений в частности, занимает достаточно важное место в современной российской и зарубежной историографии. Здесь следует отметить в первую очередь статьи и публикации документов А. С. Лож-

киной, посвящённые формированию образа Страны Восходящего солнца в СССР в 1931–1939 гг. [12, 20, 21, 22, 23]; статью Ю. Георгиева о том, как И. В. Сталин изучал Японию [19], работы Г. А. Бордюгова [18], Б. М. Орлова [25], М. М. Минца [24] о восприятии Японии высшим руководством в качестве вероятного военного противника.

Актуальность исследования заключается в использовании неопубликованных архивных материалов [1, л. 10–14], позволяющих реконструировать представления о Японии, которые имели место среди высшей советской политической и военной элиты в первой половине 1930-х гг. Эту задачу необходимо решить, поскольку в имеющейся на данный момент литературе далеко не всегда должное внимание уделяется выявлению механизмов выстраивания конкретной линии поведения руководства СССР по отношению к тем или иным проблемам во внутренней и внешней политике на Дальнем Востоке.

Исходя из материалов, имевшихся в распоряжении советских политических и военных лидеров, на основании которых отчасти и формировалось представление о Японии, можно выделить несколько видов источников: личная переписка [15, 17]; сообщения военной разведки и органов госбезопасности [8, 10, 13]; протоколы заседаний Политбюро и материалы так называемой «Особой папки» [4, 16].

В целях изучения точки зрения руководства Красной Армии возможно привлечение материалов Военного совета при народном комиссаре обороны СССР за 1934–1935 гг. [3, 4]. Ещё один немаловажный источник, с помощью которого советские лидеры (и, в частности, сам И. В. Сталин) получали некую информацию о Японии, это специальная литература [2].

Что касается открытых источников, с помощью которых советское руководство ретранслировало уже сформировавшиеся у него представления в сторону остальной части населения СССР, то примерами могут послужить стенограммы выступлений на XVII-м съезде ВКП (б) в 1934 г. [14], а также сборники статей и произнесённых речей В. К. Блюхера [3], К. Е. Ворошилова [7], М. М. Литвинова [9], В. М. Молотова [11].

Существовали и иные каналы получения информации, которые пока не затронуты нашим исследованием, но тем не менее существуют и в большей или меньшей степени доступны для разработки. Это, в частности, ежедневные обзоры иностранной прессы; сообщения, подготовленные Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС); информационные сводки Телеграфного агентства Советского Союза; встречи членов Политбюро с представителями иностранных отделов, с дипломатами [21, с. 95–96, 97–98]. В качестве интересного примера получения и анализа информации, а также механизма выработки советскими руководителями линии поведения в отношении Японии, можно привести стенограмму беседы М. И. Калинина с представителями ИНО ОГПУ в мае 1934 г. [12; 21, с. 91].

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 44.
2. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Дд. 48, 49, 98.
3. Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963.
4. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–41 гг. М., 2001.
5. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: декабрь 1934 г.: документы и материалы: [сборник] М: РОССПЭН, 2007.
6. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: декабрь 1935 г.: документы и материалы. М: РОССПЭН, 2008.
7. Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937.
8. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. СПб; М., 2000.
9. Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927–37 гг. М., 1937.
10. Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, январь 1922 – декабрь М., 2003.
11. Молотов В. М. Статьи и речи 1935–36 гг. М., 1937.
12. «Нам было бы очень выгодно подражать с Японией и основательно побить её». Стенограмма беседы М. И. Калинина «с группой приглашённых товарищей». 1934 г. //Исторический архив. 2008. № 6.
13. Пограничные войска СССР 1929–38 гг. сб. док и материалов. М., 1972.
14. Семнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчёт. М., 1934.
15. Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
16. Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сб. док. М., 1995.
17. Советское руководство. Переписка. 1928–41 гг. М., 1999.
18. Бордюгов Г. А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–34 гг. // Отечественная история. 1999. № 2.
19. Георгиев Ю. Как И. В. Сталин изучал Японию. //Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2.
20. Ложкина А. С. Представления советской военной элиты о Японии в 30-е гг. XX в. //Историки размышляют. Сб. Статей. Вып. 6. Изд-во Моск. Ун-та. М., 2008.
21. Ложкина А. С. Формирование образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. //Вестник МГУ. Серия 21. Управление. 2008, № 4.
22. Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х гг.: мифотворчество и прагматизм. //АИРО-XXI. – Япония. Ежегодник. 2008.
23. Ложкина А. С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. //Известия Алтайского госуниверситета. Серия история, политика. 2008. № 4/5.
24. Минц М. М. Представления советского военно-политического ру-

ководства о составе вероятных противников СССР в будущей войне (кон. 1920х — нач. 1940х гг.) // Военно-исторический архив. 2012. № 8.

25. Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 1990. № 4.

Е. А. Ковалёва

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОЛГОГРАД И КОВЕНТРИ: НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В годы противостояния капиталистической и социалистической систем люди из противоборствующих блоков стремились вопреки политическим преградам прийти к взаимопониманию и не допустить новой войны. Международные контакты и связи посредством реализации научных, культурных, образовательных программ — вся многообразная деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран — стала трактоваться как народная дипломатия [1, с. 1].

Одним из ключевых направлений народной дипломатии является движение городов-побратимов, появившееся в годы Второй Мировой войны.

Дружба между Сталинградом и Ковентри зародилась в результате желания жителей английского города поддержать Советский союз в борьбе с фашизмом [2, с. 28]. Но инициатива Ковентри и его предложения по развитию дружбы на протяжении 1940-х годов оставались без ответа, так как советский город был занят проблемами восстановления хозяйства.

В начале 1950-х годов произошел поворот во взаимоотношениях. Два города, столкнувшись с ужасами войны, написали совместное обращение в ООН о запрете атомного и водородного оружия [3, с. 5]. Несмотря на то, что их резолюция была проигнорирована международной организацией, Ковентри и Сталинград показали свою готовность к сотрудничеству в борьбе за мир и дальнейшему укреплению дружбы.

Обмен делегациями, состоявших из членов муниципалитетов, позволял представителям двух городов познакомиться с экономической, культурной и политической жизнью своего побратима. Общение между городами не прекращалось даже в годы международных кризисов: несмотря на обострившуюся внешнеполитическую ситуацию осенью 1956 года, и активизацией деятельности противников дружбы с СССР в Ковентри, Комитет англо-советского единства расформировать им не удалось. Рядовые жители города выступили в поддержку дружбы со Сталинградом [4, с. 61]. В 1968 году муниципалитет города Ковентри

писал «мы глубоко сожалеем о последних действиях против Чехословакии... и просим жителей Волгограда, чтобы сделали все возможное и воздействовали на Ваше правительство с тем, чтобы не делалось ничего, что могло бы мешать страстному желанию простых людей везде на земле — к дружбе, свободе, миру. ...Пусть дружба, свобода и мир останутся по-прежнему нашей целью независимо от временных неудач» [5, с. 18].

На взаимодействие между муниципалитетами влиял другой фактор: политические и идеологические убеждения людей, входящих в городской Совет Ковентри. После 1955 года связь между городами ослабла, МИД СССР напрямую связывало это с личностью нового мэра Т. Дюиса, который считал, что побратимство может помешать его карьере [6, с. 40]. Также отношения между городами «охладели» в середине семидесятых, что во многом связано с позицией лорд-мэра Ковентри Гарри Ричардзом, который в 1979 году отказался от поездки в Волгоград [7, с. 2].

Несмотря на интерес коventрийцев разных социальных кругов к жизни советских людей, русской культуре и искусству, о котором свидетельствуют письма английских граждан (например, деревенский житель Д. Девис, получив учебники русского языка от горисполкома Сталинграда, самостоятельно выучил русский язык и с увлечением читал советскую литературу. Он даже перевел на английский несколько рассказов Чехова [8, с. 10]) большая часть жителей (прежде всего Сталинграда-Волгограда, где не было общественных организаций, специализирующихся на взаимодействии с зарубежным обществом) не были включены во взаимодействие между городами.

Решением этого вопроса стало создание в 1959 году Волгоградского областного отделения общества дружбы «СССР-Великобритания», коллективными членами которого стали школы города, кафедры английского языка Волгоградских институтов и промышленные и сельскохозяйственные предприятия города [9, с. 29]. Данные предприятия и учебные заведения создавали у себя Клубы интернациональной дружбы (КИДы) и устанавливали связь с подобным заведением в Ковентри. Общество дружбы занималось приемом и встречей туристов из Великобритании, организацией Вечеров дружбы и встреч с людьми, побывавшими в английских городах. В 1969 году Союз Советских обществ Дружбы порекомендовал горкому КПСС преобразовать состав общества и «оставить во главе политически зрелых, авторитетных, активных коммунистов», что привело к более строгому контролю со стороны партии за деятельностью общества [10, с. 22].

Благодаря активной деятельности общества дружбы и первичных клубов интернациональной дружбы развивалось взаимодействие между школьниками, молодежью, рабочими, деятелями культуры и науки родственных городов. Оно осуществлялось прежде всего в ходе культурного взаимодействия. Значительное место занимал также образовательный туризм: языковые стажировки преподавателей и студентов.